Дэлия Мор

Первенец

«Автор»
2019

Мор Д.

Первенец / Д. Мор — «Автор», 2019

Отчаявшись найти деньги на лечение сестры, Куна решает попросить их у генерала. На планете с военной диктатурой Наилий — один из двенадцати правителей. Выдающийся полководец, лучший воин и совершенно недосягаемый цзы'дариец. Чтобы достучаться до него, Куна берёт стандартную форму электронной заявки и пишет в графе «Примечание» всё, что она думает о социальном устройстве планеты и лично о генерале. Письмо уходит адресату. Вот только стандартная форма — это подвернувшаяся под руку заявка на зачатие нилота. Сына генерала.

© Мор Д., 2019
© Автор, 2019

Содержание

Глава 1. Аврелия 5
Глава 2. Куна 10
Глава 3. Письма и документы 15
Глава 4. Родительская любовь 19
Глава 5. Его Превосходство 24
Глава 6. Обязательства 28
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Дэлия Мор
Первенец

Глава 1. Аврелия

Он смотрел с каждого плаката на стене, разговаривал в телевизионной панели, хмурился с новостных лент в Сети. Его имя звучало в доме чаще, чем имя Куны или её сестры. Мать терпела или не обращала внимания, а Куна больше не могла. Будто генерал пятой армии был их отцом, братом, сыном и единственным мужчиной в секторе. Стоило объявлять богов несуществующими, чтобы их место заняли двенадцать генералов?

– Куна, смотри, что я нашла! – захлёбываясь от восторга, заголосила Аврелия, врезаясь в грудь только что вернувшейся с работы сестры и тыча ей в лицо планшетом.

– Знаю, можешь не говорить, ещё одна фотография. Новый ракурс? Новая рубашка? Или вдруг новый генерал? – выпалила Куна, отбиваясь от планшета.

Разувалась на ходу, лишь бы сбежать поскорее на кухню и закрыться. Пусть Его Превосходство катится в бездну и не вылезает из неё никогда!

– Да ты посмотри, это невероятно! – грубый тон и поведение сестры Аврелия как обычно проигнорировала, хвостом тащась следом и дергая Куну за рукав, – его случайно поймали на берегу Тарса в одной рубашке. И она расстёгнута! Расстёгнута!

Теперь приступ эйфории становился понятнее. Кумира без одежды молоденькая Аврелия ещё ни разу не видела. Наилий Орхитус Лар на публике появлялся либо в чёрном военном комбинезоне, либо в белом парадном кителе. В итоге стены дома напоминали доску для игры в шу-арлит с белыми и чёрными камнями. Все когда-либо напечатанные плакаты висели здесь. Три особо древних сестра нашла на свалке и долго разглаживала утюгом. Раритет, невероятная ценность! Ничего Куна не понимала! Фотографии со вступления в должность самого молодого генерала в истории планеты.

Тридцать три цикла было тогда Наилию, и за прошедшие шесть он не изменился. Та же стрижка, веснушки, шрам под бровью. У Куны в глазах рябило от сотни вариантов одного и того же взгляда, осанки, разворота плеч, но Аврелия в любом фото без ошибки угадывала цикл, называла место и знала все опубликованные в Сети истории о генерале. Собственного отца не любила так сильно, как хозяина пятого сектора.

– Мне не интересно, – прошипела Куна. – Сколько раз тебе повторять? Мне плевать! Не подходи ко мне со своим Наилием! Слышать о нём не хочу! Тебе ясно? Оставь меня в покое!

Аврелия захлопала ресницами, смаргивая слезинки. Губы сестры скривились, а подбородок задрожал. Планшет с драгоценной фотографией на экране она прижала к груди, обняв худыми руками. Ниже Куны на голову, стройнее в два раза, для шестнадцатого цикла Аврелия была слишком слабой. Генетическая аномалия не давала набрать вес, подтачивала силы и забирала на лечение все средства семьи.

Два цикла назад мать, наслушавшись советов подруг, решила вылечить сестру без лекарств. На одном усиленном питании. Почти получилось. Щёки Аврелии округлились, рёбра перестали выпирать, она научилась ходить по улице без экзопротезов на ногах, но потом впала в кому и мать на руках несла её до больницы. Сестра очнулась в реанимации на внутривенном питании и экстремально дорогих медикаментах.

Жизнь кончилась. Мать забрала Куну с образовательных курсов, не дав доучиться, и отправила на работу. В проклятую всеми несуществующими богами диспетчерскую речного вокзала Равэнны.

Кухонная дверь распахнулась от удара. Ворвавшийся в коридор пар принёс аромат жареных лепешек с кунжутом и раздражённый голос матери.

– Я просила вас не ругаться. Куна, где ты пропадала? Трудно с работы пораньше приходить? Мой руки и садись за стол!

Сестры сели ужинать, не глядя друг на друга. Старшая жила девятнадцатый цикл и могла учиться в кулинарной академии, как мечтала, но вместо этого зарабатывала остеохондроз на двенадцатичасовых сменах в диспетчерской. То, что не оседало на счетах медицинского центра, семья тратила на еду. Не будь у работников транспорта формы, Куна бы третий цикл ходила в единственном зелёном платье и растоптанных туфлях.

Фоном для ужина звучал жизнерадостный голос ведущей выпуска новостей. Вилки гремели о стекло посуды, стулья поскрипывали, если кто-то ёрзал. От стола до плиты рукой можно было дотянуться, а когда все садились, то места в кухне не оставалось. Слишком маленькие бараки строили на окраине рабочего квартала.

– Опять пшено? – проворчала Аврелия. – Я скоро превращусь в ходячий мешок с пшеном!

Мать промолчала, хотя обычно кидалась к холодильнику, чтобы найти любимой дочери блюдо повкуснее. Не в этот раз. Продуктов едва ли хватит на месяц. Пшено? Хорошо, что оно есть.

– Мама, ты звонила Мартию? Просила денег? – тихо спросила Куна.

В такой нужде за любую возможность будешь хвататься, наплевав на гордость, но мать отрицательно покачала головой. Мартий, отец Аврелии, перевёлся служить в другой сектор. Соседки сплетничали, что хорошо устроился, летал в космос. Наверное, повысили до офицера, и, значит, ему полагался денежный паёк в несколько раз больше. Он мог обеспечивать дочь, но мать слышать ничего не хотела. А об отце Куны и не вспоминала никогда.

Болезнь Аврелии застыла на предпоследней стадии, подарив надежду на выздоровление и не позволяя оформить пособие по потере трудоспособности. Из того, что можно получить от социальных служб оставалось ещё пособие на ребенка, решись мать родить в третий раз. Куна пыталась заговорить об этом, но после категоричного отказа замолчала. Не ей судить чужое разбитое сердце.

– Я могу чаще ходить в ночные смены, – предложила она. – Их лучше оплачивают.

– Хорошо, – блёкло улыбнулась мать. – Но если почувствуешь себя плохо, переводись обратно на дневные.

– Я тоже могу работать, – громко заявила Аврелия.

– Нет, – одновременно ответили женщины.

– Ешь пшено, пожалуйста, – мягко попросила мать. – Это лучшее, что ты можешь сделать, а я завтра пойду в столовую. Грация обещала вынести блюда…

– Объедки? Мама, это слишком! – Куна швырнула на стол вилку и сложила руки на груди. – Мы не голодаем, чтобы опускаться до такого!

– Нет, что ты! Целые, нетронутые блюда. На банкете никогда не съедают абсолютно всё.

Испуг матери отзывался неприятным холодом в животе. Чем сильнее барахтаешься, тем крепче увязаешь в болоте. Столько вариантов перебрали, а денег так и не нашли. Время шло, купленные в прошлом месяце таблетки кончались. Пшено комом в горле застревало, стоило подумать, что будет после.

– Не нужно даже целых блюд, – попросила Куна. – Я каждую смену буду работать в ночь. Хватит на еду и одежду.

***

Аврелия с трудом дотерпела до конца ужина. Кислые лица матери и сестры портили и без того отвратительную пищу. Как можно есть каждый день гадость? Да у неё желудок скоро откажется переваривать крупу!

Вытряхнув из баночки таблетку, она заглянула внутрь. Розовые горошины перекатывались по пластиковому донышку. Ровно двенадцать: по одной утром и вечером. К приёму лекарств можно было привыкнуть, если бы не побочные эффекты. Голова кружилась, в сон тянуло, тошнило. Аврелия проглотила медикамент и предупредила:

– Пойду, прилягу.

– Хорошо, доченька, – ласково ответила мать, а Куна даже не оглянулась.

Кормилица, чтоб её. Каждый раз на работу уходила так, будто подвиг совершала. Где награды тогда?

Аврелия поджала губы и отправилась с планшетом подмышкой в комнату. Мать спала на кухне, а единственную спальню сестры поделили поровну. Кровати, покрывала, шкафы, тумбочки – всё было одинаковым и безумно раздражало младшую. Они ведь от разных отцов и даже не похожи друг на друга, зачем искусственная уравниловка? Негласное правило, что нормальными и здоровыми в семье считаются обе дочери. Ха-ха. Куда там? Судьба – не платье. Нельзя купить точно такое же, как у другой дариссы. Вот деньги кончатся, Аврелия ляжет на кровать и больше не встанет, а Куна найдет мужчину, переедет к нему жить, нарожает детей и ни разу не вспомнит о сестре с матерью. Легко быть доброй и великодушной, когда некуда деваться, а стоит обстоятельствам измениться, и старшую будет не узнать. Рыдала ведь в подушку три ночи, когда мать запретила в академию поступать. Всех ненавидела и проклинала, а теперь такое самопожертвование. По ночам она будет работать. Спать она хочет днем, чтобы все ходили вокруг на цыпочках и боялись разбудить. Эгоистка.

– А нам и так хорошо вместе, да, Ваше Превосходство? – спросила Аврелия у плаката и нежно улыбнулась генералу.

Вот кому повезло в жизни. Высокое звание, красивая машина, роскошный особняк с маленькой армией слуг. Любовницы генерала не стояли у плиты и не мыли посуду. Они лежали на шезлонгах у бассейна и пили коктейли. Красивые дариссы, ухоженные, свободные. Не жизнь, а мечта.

У неё такая же будет. Аврелия верила, но никому не рассказывала. Даже подруги рассмеялись бы в лицо. В одном городе с генералом жили, а казалось – на разных планетах. К Наилию подойти невозможно, охрана не подпускала близко. Только и оставалось, что смотреть на плакаты и слушать голос из телевизионной панели. Но был один способ, ага

Младшая легла на кровать и вызвала с планшета знакомый номер, помеченный сердечком. Говорить пришлось в микрофон. Гарнитура сломалась месяц назад, а новую теперь полцикла ждать.

– Домна, как ты там? Что делаешь?

– Сдобу жую, – ответила подруга с набитым ртом. – У мамы в кондитерской противень булочек подгорел, вот я брак и уничтожаю.

Аврелия сглотнула слюну и почувствовала, что пшено в животе вот прямо сейчас слепливается в неперевариваемый ком. Пышные, румяные булочки, пахнущие ванилью или корицей. Разломишь такую пополам и сначала яблочный джем слизываешь, размазывая по щекам и носу, а потом тесто жуёшь. Несуществующие боги, как оно пахнет!

– Смотри не растолстей, – проворчала младшая и решила переходить к делу, пока не пришлось снова говорить о еде. – А то скоро мужчину искать надо будет, тебе уже полцикла как рожать можно.

– Да, – самодовольно ответила Домна, – девятнадцатый пошел.

– Уже присмотрела кого-нибудь?

– Ой, не знаю. Мама говорила, что спешить не стоит. Хотя как по мне, что беги, что на месте стой, а выбирать в квартале не из кого. Рустий вроде ничего, но в него Августа вцепилась клещами и всех соперниц отгоняет. Келсий стерильный из-за генаномалии, с ним разве что развлекаться. Ну, ты поняла как.

Домна весело хихикнула, а у Аврелии щёки запылали. На разговоры о физической близости мать наложила строгий запрет. Настаивала, что лучше жить в одиночестве, чем один раз поддаться слабости и воспитывать ребёнка, а то и двух. Аврелия в ужасе хваталась за голову, а Куна послушно соглашалась с матерью. Разумеется. Как по-другому то? На всём речном транспорте ни одного мужчины. С кем невинность терять? Пусть даже случайно.

Лицо покраснело, кончики ушей горели. Кому она подарит свою невинность, Аврелия давно знала. От фантазий по телу разливалось приятное тепло и становилось стыдно. Домна присылала видео близости между мужчиной и женщиной, кое-что младшая знала. Правда, смотрела не на то, как любовники тёрлись друг об друга животами, а на их лица. Такой восторг и счастье! Ей казалось, что если Наилий просто обнимет, уже будет достаточно. А вот так соприкасаться обнажёнными телами и заглядывать в глаза…

– Так что там на счёт ребёнка? – робко спросила она.

– Говорю же, не знаю. Растить дитя так долго и хлопотно.

– Но ты встала на учёт?

– Вчера последний анализ сдала подруга, гордо ответила подруга и тут же хихикнула. – Теперь хоть под генерала.

Младшую кольнула ревность. Одно дело, на балу видеть кумира с любовницей, и, совсем другое, с лучшей подругой. Обойдётся! Но раздражение Аврелия подавила. Не за тем звонила.

– Слушай, Домна, а если, правда, ребёнка от генерала? Тебе бы хотелось?

– Я похожа на дуру? Мне как перед ним корячиться, чтобы заметил? Голой под окнами особняка ходить?

– Не нужно бродить, – вздохнула Аврелия и через силу продолжила. – Можно заявку на нилота отправить в Центр репродукции. Ну, на сына генерала, ты должна знать. Говорят, такая заявка отличается от стандартной на искусственное оплодотворение только дополнительными анализами. Сущая ерунда, лишний раз кровь сдать.

– Значит, я похожа на инкубатор для генеральского нилота? – зло спросила Домна. – Семь циклов корми, задницу подтирай. Его потом в училище заберут, а мне паёк, чтоб не так обидно было? Нет уж, я нормальных отношений хочу.

Аврелия больно прикусила губу. Полжизни бы отдала за один поцелуй, взгляд, доброе слово. А уж если ребёнок у них общий будет, то неужели не дрогнет сердце генерала? Не потянется к сыну и к его матери? Семь циклов – это много. Пусть только любовь вспыхнет крепкая, настоящая. Чтобы, когда мальчика заберут в училище, Наилий всё равно остался бы с ней.

– А я согласна, – тихо сказала младшая над планшетом.

Домна умолкла и часто задышала в микрофон. Фыркала, пыхтела, но потом выдала:

– Мало тебе одной болячки, ещё и мозгами тронулась? Забудь о беременности! Ты не стерильна до сих пор, потому что девственница. Врачи не трогают. А как дашь кому-нибудь, сразу трубы перетянут. Тебе не только нилот, тебе вообще никакой ребёнок не светит!

Аврелия жевала губу и морщилась от боли в сердце. Каждое слово как пощечина. Подруга называется. Специально до слез доводит?

– Потому что я – генетический урод? – зло прошипела младшая и швырнула планшет на пол.

Девайс упал плашмя, но экран не погас. Там летали цветные шарики вокруг портрета Домны и шли секунды разговора.

– Аврелия, – звала она из динамика планшета, – ты слышишь? Ну, не дури. Ты убежала, что ли? Аврелия!

Пусть хоть голос сорвёт! Жестокая, подлая. Как можно попрекать болезнью? Облить грязью мечты! Лучше бы шестнадцать циклов назад у матери случился выкидыш! Лучше бы в семье была одна Куна, чем вот так мучиться!

– Аврелия, – нервничала подруга, – ну прости, давай поговорим, я не хотела обидеть. Я не со зла, правда. Где ты?

Младшая ладонями вытерла горячие слезы и подняла планшет.

– Здесь я, – от рыданий голос квакал, и она, как ребенок, шмыгнула носом.

– Извини, я ведь добра тебе желаю. Что мне сказать? Что сделать?

Послать её хотелось в бездну и не звонить неделю, но вместо ругани сама собой сложилась просьба:

– Пошли запрос в Центр репродукции от своего имени. Я хоть посмотрю, какие анализы и документы там просят. Сделаешь?

– Ладно, – вздохнула подруга, – отправлю. Нравится терзаться – дело твоё. Хватит уже, вытирай слезы, давно таблетки пила? В кровать ложись, развезёт сейчас. А я пойду, матери обещала помочь.

– Хорошо.

Аврелия выключила планшет и спрятала его под подушку. Может, глупость сделала, но хотя бы на шаг стала ближе к генералу. Наилий стоял на плакате вполоборота, и младшей впервые показалось, что он улыбался.

Глава 2. Куна

Старое здание речного вокзала Равэнны стояло на набережной рядом с одним из десяти рабочих кварталов, как квадратно-прямоугольное недоразумение без единого намёка на архитектурную красоту. Будто ребенок сложил из бетонного конструктора ровные стены, забыв сделать окна, и лишь в зале ожидания оставил глубокий провал для стеклянного фасада. Нет, маленькое окно в диспетчерской всё-таки было. Его даже мыли каждый цикл, но Куне казалось, что стекло насквозь пропиталось пылью и туманом с Тарса. Отчего мир становился круглосуточно серым и унылым.

Дневная смена передавала дежурство ночной под разрывной треск телефонов. В небольшом помещении между столами толкались и суетились двенадцать одинаково одетых женщин. Куна одной рукой расписывалась в журнале, а другой набирала код доступа на диспетчерском пульте. Сегодня раздражало всё. Форменная юбка постоянно перекручивалась на талии, у блузки расстегивались манжеты, галстук душил. Жалобно выть хотелось, а не работать.

– Водное управление не передало глубины, – стрекотала над ухом напарница. – Я звонила и возмущалась, но там какой-то аврал, уточнишь сама?

– Хорошо.

– Гелеон за день от дождей плюс пятьдесят дал, обстановку снесло, путевые обходчики обещали только утром поправить, так что предупреждай всех, кто там будет.

– Поняла.

– Ты где такую заколку нашла?

Куна сбилась с ритма и забыла, что делала. Напарница нависала над ней, поправляя сумку на плече, и ждала ответа.

– Что?

– Заколка красивая. Где взяла, спрашиваю.

– Подарили, – буркнула Куна и отвернулась к пульту.

Теперь, как сороконожке, придется думать с какой ноги ходить. Она неуверенно ткнула в первую кнопку, потом во вторую, и включилась мышечная память. Напарница ушла, тронув за плечо на прощание. В диспетчерской остались шесть дежурных ночной смены, и за окном, наконец, стемнело. Равэнна засыпала. На Тарсе зажигались огни знаков речной обстановки, показывая капитанам, куда вести суда. Последние пассажиры давно сошли на пристань, но грузовые караваны без устали волокли вверх и вниз по течению неповоротливые баржи со щебнем и песком.

Вроде бы, работы меньше, чем днём, сиди и радуйся. Но, привыкнув девятнадцать циклов спать от заката до рассвета, тяжело доказать собственному телу, что нужно внимательно следить за зелеными треугольниками судов на интерактивной карте, а не мечтать лечь на стол и закрыть глаза. Ночные диспетчеры крепко сидели на энергетических напитках, выпивая тройную суточную дозу за смену. Изрядно портили здоровье, конечно, но начальство предпочитало не замечать отчетов медиков. Текучка кадров улучшала общую статистику.

Куна размешивала в кружке ядовито-зеленый порошок с цитрусовым ароматом и вспоминала прежнюю жизнь. Когда контрольная по математике казалась самой большой проблемой, а настроение могла испортить только Аврелия. Однокурсницы учились на гражданских специалистов и гуляли по осенней Равэнне, собирая в букеты желтые и красные листья. Куна слышала их веселый смех и завидовала. Уголки её губ навсегда оттянулись вниз в гримасе недовольства.

– Спишь, что ли? – толкнула локтем соседка. – Вызов прими.

– Диспетчерская, – машинально ответила Куна, не сразу сообразив, что гарнитура лежит на столе, а она держит себя за мочку уха.

Соседка покачала головой и отвернулась.

– Диспетчерская, – повторила Куна. – Пятьдесят третий оператор.

– Дарисса, я торчу у переката как прыщ на заднице, а до вас не дозвониться.

Визгливый голос капитана катера «Беркут» не узнать невозможно. Фелиция любила скандалить и могла послать в бездну так, что даже военные краснели.

– Вижу вас, – ответила Куна, найдя взглядом на карте зеленый треугольник с надписью «Беркут». – В чем проблема?

– Перегруз у меня до осадки в двести десять, – проворчала Фелиция и продолжила орать, стоило диспетчеру вставить слово. – Знаю, что гарантия на перекате двести, не тупая, но здесь всегда было больше. Где глубины, якорь мне в душу?

У Куны руки затряслись. Только проблем с посадкой на мель не хватало. Вот куда Фелиция полезла? Нагрузилась от жадности, чтобы хорошее жалование за рейс получить? На что вообще надеялась? Паводок давно схлынул. Дожди идут, но наполнение меньше стандартного для сезона. Пусть демоны заберут водное управление с его авралами! Гадай теперь, сколько там на перекате.

Куна в отчаянье смотрела на телефон. Пока будет выяснять, Фелиция голос сорвёт и жалобу накатает. А на записи останется, что диспетчер не может назвать глубину, а это штраф. Денег и так нет, чтобы лишаться их по глупости.

– Пятьдесят третья, ты там спишь или на портрет генерала онанируешь? Я пройду через перекат?

Куну холодный пот прошиб. Журнал глубин был пуст, водное управление ждали разборки на своём уровне, но Фелиция сейчас орала не на них. Ох, нет, лучше жалоба, чем посадка на мель! Сорвав гарнитуру с уха, диспетчер набрала по внутренней связи номер гидрологов.

– Водное, – нервно рявкнули из динамика.

– Пятьдесят третий оператор. Дарисса, глубины…

– Позже, – от крика вздрогнула мембрана динамика, и связь прервалась.

Куна устало закрыла лицо руками. Будь проклят тот день, когда она согласилась на эту работу! Ускоренные курсы, достойная зарплата, карьерный рост. Мать толкала и пинала её в диспетчерскую только потому, что здесь начинали платить жалование с первого дня обучения. Старшая дочь похудела, пока прошла стажировку и запомнила сто тысяч инструкций. Но ни в одной не говорилось, что делать в подобной ситуации.

– Регина, – позвала она старшую смены, – у нас глубин нет, а у меня «Беркут» спрашивает. Что делать?

– А что мы сделаем? – старшая смены безразлично пожала плечами. – Пусть ждёт или идёт под свою ответственность.

Куна сомневалась, что Фелиции ведома ответственность. Точно так же как ум, честь и совесть. Тяжело вздохнув, она повесила гарнитуру на ухо.

– …да ты у меня грязь из-под ногтей жрать будешь, – хрипела в трубку капитан «Беркута». – Я тебе такую жалобу настрочу, что больше никуда не примут!

Раз орёт, значит, до сих пор стоит на месте. Знает, что проход через лимитирующий перекат с осадкой ниже гарантированной глубины возможен только с разрешения диспетчера. И не успокоится, пока его не получит.

Куна открыла таблицу глубин за прошлые дни и нашла злосчастный перекат. «Триста, триста два, триста три». Скандальная Фелиция не первый цикл ходила этим маршрутом и знала, какая у притока Тарса обычная глубина. Могла бы плюнуть на разрешение и пройти, но тогда вся ответственность ляжет на неё.

– Пятьдесят третья, я слышу, как ты дышишь! – угрожающе зашипела капитан «Беркута». – Я пройду или…

– Проходите, «Беркут», – зло ответила Куна и услышала в трубке короткие гудки.

Разговор записан и будет прослушан службой контроля качества обслуживания. Плевать. Хотелось выпить ещё одну кружка энергетического напитка залпом, чтобы перекрыть нервное напряжение. Диспетчер сползла по спинке стула и уставилась на зелёный треугольник катера Фелиции.

С помощью спутников работники речного транспорта научились определять, где находится судно, но очень многое по-прежнему приходилось делать и контролировать по старинке. Приборы, измеряющие глубины на перекатах, не работали дистанционно. Поэтому самые высокие гребни и мели в русле реки изыскательская партия обходила на катере. И если уровень воды падал ниже гарантированного, то пригоняли земснаряд и углубляли перекат.

Куна смотрела на «Беркут» и надеялась, что за дневную смену глубина с трёхсот трёх не упала до двухсот, иначе её ждали по-настоящему серьёзные проблемы. Зелёный треугольник медленно полз по карте через заштрихованную область переката и вдруг встал. Куна замерла, прикусив губу. В следующее мгновение «Беркут» загорелся красным, выдавая код аварии. Проклятая Фелиция всё-таки села на мель. Аварийные сообщения полетели по всем инстанциям, и диспетчеры в смене закрутили головами.

– Куна, – строго спросила Регина, – это ты дала «Беркуту» разрешение идти?

– Я, – обречённо выдохнула она.

***

Разбирательство получилось быстрым. Объяснительная, штраф и требование вернуться к работе. Как досидела до утра, Куна не помнила. В ушах стоял крик Регины, по спине ползли тараканами взгляды сменщиц, а руки окончательно перестали слушаться. Звонки с неё старшая смены перекинула на других диспетчеров, оставив только мониторинг рейдов. Волею несуществующих богов больше ничего не случилось, но из диспетчерской Куна вышла, едва переставляя ноги.

Пользуясь безветрием, на Равэнну опустился смог. С первым же вдохом в лёгкие попал дым из труб завода и заставил морщиться от едкого запаха гари. Светило не смогло пробиться сквозь плотную завесу. Город застрял между ночью и днём в серой каше бесконечных сумерек. Куна брела сквозь неё мимо автобусной остановки, не замечая пустых улиц и одиноких машин.

Рабочий пригород жил в ритме гудков завода. Цзы'дарийцы накатывали волной прилива к его проходной в начале смены и растворялись в серых одноэтажных бараках к концу. Малый круг кровообращения Равэнны никогда не останавливался. Он отравлял город до тяжёлой отдышки и землистого цвета лица.

Мать стояла на пороге дома, кутаясь в халат. Окно на кухне слабо мерцало. Работала телевизионная панель.

– Что случилось? Ты почему задержалась?

– Пешком шла, – тихо ответила Куна. – Прогуляться захотелось. Аврелия спит?

– На кухне сидит, генерала слушает, – скороговоркой ответила мать и поймала Куну за локоть. – Что случилось?

Бесполезно прятать взгляд и врать, что всё хорошо. На лице подсыхали дорожки от слёз, и нос покраснел.

– Меня оштрафовали на работе. Жалования за эту неделю не будет. И за следующую тоже.

Ещё пару циклов назад, когда Куна приносила табель с низкой оценкой, мать тяжко вздыхала, цедила сквозь зубы про тупоголовость и лень, а сейчас просто молчала. Стояла в дыря-

вых тапках на ступенях крыльца и смотрела в сизую дымку раннего утра. Худая, как боевой посох. Серость рабочего квартала давно проникла ей под кожу, высушила волосы до тонкого хвостика на затылке и навсегда осталась тёмным контуром на лунках ногтей.

– В дом иди, – сказала мать, отвернувший от старшей дочери. – Завтракать будем.

В прихожей пахло травяным отваром. Ромашку и цветки липы женщины выращивали на клумбе во дворе. Потом сушили и заваривали, чтобы сэкономить на растворимых напитках. Горячее питьё помогало глотать пшено. Перебивало его надоевший вкус. Аврелия сидела на стуле, почти уткнувшись носом в экран, где с трибуны выступал перед кадетами одного из многочисленных училищ Наилий Орхитус Лар:

– Нет будущего, кроме того, что мы выбираем сами.

Мягкий голос полководца больно бил по нервам, путая мысли и мешая искать себе оправдания.

– Не ту кнопку на работе нажала? – спросила мать, ставя на стол тарелки с едой. – Или поругалась с кем-то?

Аврелия шикнула и махнула рукой, чтобы замолчали. Генерал рассказывал кадетам о будущем, а младшая жадно ловила каждое слово кумира.

– Грузовой караван на мель посадила, – прошептала Куна, со скрежетом двигая стул по неровным стыкам плит.

– Уволили?

– Нет, но строгое дисциплинарное взыскание я получила. А это цикл без премии.

– Тихо! – дёрнулась Аврелия и придвинулась к динамику телепанели ещё ближе. Куна замолчала, опустив взгляд в тарелку. Мать сосредоточенно пережёвывала пшено, запивая отваром, а у неё пропал аппетит. Если хотя бы ложку донесёт до рта - точно побежит к раковине, чтобы исторгнуть пшено обратно. Страх заполнил живот. Скрутился внутри тугим узлом, и места для еды не осталось.

– Сколько денег у нас есть? – спросила Куна.

– Нисколько, – покачала головой мать. – Я сегодня заплатила за воду и электричество. С трёх карт остатки выгребла и ещё у подруги заняла. На жалование твоё надеялась.

Старшая уронила ложку, и та с громким лязгом стукнулась о край тарелки.

– Замолчите вы или нет? – взвилась Аврелия. – Я же ничего не слышу! Припёрлись сюда, и бу-бу-бу, бу-бу-бу.

– Ну-ка выключили панель, – строго сказала мать. – Дай хоть позавтракать без твоего генерала. У сестры проблемы на работе…

– У неё всегда проблемы! – закричала Аврелия. – Ни с кем ужиться не может. То Летиция раздражала так, что с курсов собиралась уходить, то с Домной меня чуть не рассорила. Теперь на работе все плохие. Характер у неё поганый.

Куну затрясло. Младшая пересказывала старые обиды по седьмому кругу одними и теми же словами. Скандал за скандалом, скандал за скандалом. Сил терпеть больше не было! Хватит!

Старшая схватила пульт и выключила панель, обрывая генерала на полуслове.

– Отдай! Включи! – заверещала Аврелия, набрасываясь на сестру. – Я так ждала трансляцию! Убирайся на свою работу! Оставь меня в покое!

Чуть не выбила пульт, но Куна, защищаясь, ударила сестру по руке. За одно мгновение, не успев понять, что делает. Зло, хлёстко, наотмашь. Аврелия взвизгнула и зарыдала в голос, а потом сбежала из кухни.

– Довольна, да? – рявкнула мать. – Я просила не ругаться! Вот куда ты вечно лезешь? Доченька, подожди.

Куна застыла с пультом в руках, чувствуя, что лицо горит. Кухня закружилась перед глазами, по ушам били рыдания Аврелии из комнаты. «Ударила. За что? Зачем?»

Дрожь колотила, под ресницами крупными каплями собирались слёзы. Куна размазывала их по лицу и тяжело дышала. Мать вернулась за стаканом с остывающим отваром.

– Два дня уже без таблеток, – тихо сказала она, не смотря на старшую дочь. – Слабая стала, раздражается на любую мелочь, а ты за языком последить не можешь.

– Не могу, – бесцветным эхом повторила Куна, падая на стул. – Не могу больше.

Глава 3. Письма и документы

Оставив сестер в разных комнатах, мать ушла на работу. Аврелия всхлипывала недолго, и, когда закрылась входная дверь, Куна снова услышала до омерзения знакомый голос генерала. Младшая выкрутила динамик планшета на полную мощность. Звук хрипел, уходя в перегрузку, отчего Наилий казался простуженным.

Куна мрачно подумала, что с прекрасной генетикой и отменным здоровьем генерал не болел ни разу в жизни, не переживал, хватит ли денег на лекарства и не видел экзопротезов на ногах маленьких девочек. Он будто жил в другом мире, где не бывает пустых платёжных карт и проблем на работе. А на любую просьбу или приказ всегда слышал: «Да, Ваше Превосходство». Сытый, довольный и взирающий на всех свысока. Хотя в диспетчерской шептались, что Его Превосходство не вышел ростом, и перед трибуной ему ступеньку ставили. Чтоб он провалился через неё прямо в бездну!

Куна встала из-за стола и схватила тарелку. Мать ушла, не успев вымыть посуду, а младшую к домашней работе не подпускала. «Пусть силы бережёт» Старшая после ночных смен стирала и гладила бельё, мыла полы, подметала половик в прихожей. Дрон-уборщик давно сдали в утилизацию. Не потому что он сломался, а чтобы хоть какие-то деньги получить. «Руки вам на что?» – спрашивала мать и уходила на работу.

Звук льющейся воды перебивал выступление генерала. Куна старалась греметь посудой как можно громче, чтобы совсем его не слышать. Пальцы под ледяной струёй онемели, а жир упорно катался по стеклу, не желая смываться. Разбить, что ли, тарелку вдребезги? Всё равно скоро будет нечего есть, и посуда станет не нужна.

Тарелка выскользнула из пальцев, грохнулась о раковину и чудом осталась цела, а Куна вдруг поняла, что вода теплеет. Не поверила и долго держала руку, радуясь, как ребёнок чуду. Коммунальная служба списала долг и сняла блокировку с подачи горячей воды.

От рук тепло расходилось по телу, успокаивая и усыпляя. Куна работала две ночи подряд - перед завтрашней сменой нужно выспаться. Ох, не вовремя младшая разобиделась! Со злости не пустит в комнату, а с узкой кушетки на кухне старшая падала во сне.

Мысли лениво тянулись, как сахарный сироп. Куна увязла в нём и никак не могла вырваться. В городе миллионы жителей, а её семья никому не нужна. Невидимками стали три женщины. Сдались, проиграв все сражения, и покорно ждали расправы. Не спасли ни любовь, ни забота. Денег за них не платили.

Старшая устало вытерла глаза и выключила воду. «Нет будущего, кроме того, что мы выбираем сами», – повторил генерал с записи выступления и Куну дёрнуло. Она ничего не выбирала! Ей всё преподнесли как данность и поставили в жёсткие рамки! Несуществующие боги, мать, городские службы, врачи Аврелии - каждый тыкал носом в то, что она должна и ни разу не захотел помочь. С неё хватит! Она напишет письма всем, кому можно. Да хоть самому генералу! Не торопятся давать сами? Значит, нужно выпросить или вырвать зубами!

– Аврелия, я в город! – крикнула Куна и пару раз стукнула кулаком в дверь. Сестра не ответила, а генерал продолжал рассказывать кадетам о счастливом будущем. Ладно, она предупредила. Надев стоптанные туфли и спрятав форму диспетчера под длинной шерстяной кофтой, Куна нырнула в утренний туман Равэнны.

За бараками рабочего квартала к пасмурному небу тянулись высотки. Дома вырастали сказочным лесом из стекла и бетона, где каждое дерево светилось изнутри листьями-лампами. Издалека их жёлтое пламя казалось тёплым, но стоило подойти к дверям, как электронный замок недобро щурился красным индикатором, спрашивая: «Кто ты такая?» Никто. Допуска

нет, и никогда не будет. Закрытые военные предприятия, администрации всех уровней, генеральный штаб, жилые комплексы для офицеров – не пройти, не пробиться.

Но ближе к окраине стояли кафе и бары с общественными терминалами доступа в Сеть. Там всегда толпились такие же нищенки без планшетов, как Куна. Главное - успеть занять место, потому что сегодня она от тумбы с экраном долго не уйдет. Старшая металась между кафе, выглядывая в стеклянных витринах свободные терминалы. Повезло только в пятом заведении с яркой вывеской «Мечта». В углу, возле туалета, светился приветственным сообщением пункт доступа в Сеть, и Куна успела добраться к нему, встав прямо перед носом у дариссы с тяжёлыми сумками в руках.

Не обращая внимания на сердитое ворчание за спиной, методично выводила на экран терминала справочную информацию по социальным службам города, фондам помощи пациентам с редкими генетическими заболеваниями и медицинскими центрами за пределами Равэнны. Если есть хоть одна возможность добыть лекарство для Аврелии бесплатно – она её отыщет.

***

Планшет разогрелся так, что обжигал живот. Под голос генерала Аврелию тянуло в сон. Сознание цеплялось за интонации, упуская смысл. Так бездумно наслаждаются пением птиц или шёпотом ветра. Она представляла себя в роскошном платье рядом с Наилием на осеннем балу. Мысленно плыла по бальному залу генерального штаба под восхищённые взгляды офицеров и завистливые гримасы женщин. Хотелось, чтобы в толпе стояли: Домна, Куна, мать, девчонки из рабочего квартала и пациентки медцентра, куда она ходила. Давились закусками от удивления и тыкали друг друга локтями: «Смотри, это, правда, Аврелия? Да, она. Не может быть. Она, она! С генералом, вот же повезло. Какие красивые у неё туфли, я хочу такие же. Улыбается, такая счастливая! Она заслужила! Умница, красавица!»

Аврелия захихикала от удовольствия. Ради такого можно вытерпеть даже беременность. С деньжищами генерала она наверняка проходит как-то по-особенному. С толпой врачей рядом и десятком внимательных слуг, готовых в любой момент принести всё, что захочется. Кажется, слуг в особняке называли виликусами. Или либрариями? Да хоть демонами из бездны, какая разница? Нянек бы ещё для ребёнка и побольше. Игрушки, бутылки с молоком, ползунки на ребёнке, конечно, милые, но когда Наилий вернётся со службы, внимание Аврелии должно принадлежать только ему. Хорошо бы уговорить генерала не мотаться лишний раз по командировкам и выезжать из особняка только на южное побережье в бархатный сезон. Океанский бриз полезен для здоровья, а на отдыхе каждый день - праздник.

Из мечты не ласково выдернул звонок планшета. Аврелия приподнялась на локте и надавила на экран, чтобы принять вызов.

– Танцуй, подруга! – заголосила Домна. – Я получила пакет документов на нилота!

– Несуществующие боги! – ахнула младшая. – Пересылай его мне! Скорее!

– Шустрая какая. Тут третий класс секретности с защитой от распечатки и копирования. Только чтение с экрана.

Аврелия раздражённо запыхтела и заёрзала на кровати. Что же там такого сверхсекретного могло быть? Нет, понятно, что она не рядовому дозорному в любовницы набивается, но всё-таки?

– Читай тогда вслух.

– Долго, – зевнула Домна. – Скучно.

– Издеваешься?

– Ага, я тебе так перескажу.

Подруга начала с подписки о неразглашении и других предосторожностях службы безопасности. Щедро сдабривала рассказ сарказмом и пускалась в лирические отступления. Аврелия устала на неё шикать и просить говорить короче.

– А тут они взяли и смело написали в конце пятого пункта: «Если у вас есть вопросы, звоните». Ты думаешь, я застеснялась? Да я этого лейтенанта полдня в краску вгоняла. Он мне под конец сказал ехидно: «Дарисса, главное - помните, что встреча всего одна. Если зачатие не состоится, то второго шанса не будет».

– Подожди, – встрепенулась Аврелия. – Какая встреча? Почему одна? Эмбрионов всегда много делают. Подсаживай по одному хоть пять, хоть десять раз.

От шумного выдоха Домны динамик планшета ушёл в перегрузку и выдал сухое потрескивание.

– Ты чем слушала, когда я рассказывала? Не будет эмбрионов, Аврелия! Это не искусственное оплодотворение, где их подсаживают без участия отца. Как сказал лейтенант по телефону: «Генералы признают только тех детей, кого сделали лично». Естественным способом, понимаешь?

У младшей голова закружилась, и грудь сдавило от нехватки воздуха. Взмокшие ладони оставляли влажные следы на планшете, а губы, сколько ни облизывай, всё равно пересыхали. Домна говорила о близости с генералом. Настоящей, не воображаемой! От неё Аврелию отделяла мелкая бюрократическая формальность. Самой нужно подавать запрос в Центр репродукции! Да, ей всего шестнадцать циклов и пока нельзя, но, бездна, как же долго ждать! Два с половиной цикла! А если мать с сестрой не найдут деньги на лекарства и она умрёт, не дождавшись свидания?

– Домна, Домна, – торопливо зашептала в динамик Аврелия, почти касаясь его губами. – Ты же моя лучшая подруга. Славная, милая, единственная. Мы с тобой с рождения вместе. Я же для тебя всё-всё-всё сделаю, ничего не пожалею. Родненькая, драгоценная, ну подари мне одну мелочь. Сущий пустяк.

Подруга замолчала, осознавая, насколько серьёзной может оказаться такая мелочь. Аврелия ждала, замирая от страха. А вдруг не согласится? Пошлёт в бездну и тогда придётся просить кого-то другого. Куну? Нет, лучше умолять Домну!

– Говори уже, – тоном цзы'дарийца, приговорённого к смерти, сказала подруга.

Младшая села в кровати и нервно убрала пряди волос за уши. Лишь бы Куна не вернулась. Как всегда влезет и всё испортит, а тут дело невероятной важности!

– Пожалуйста, Домна, подпиши бумаги, что ты согласна и отправь их в Центр репродукции. А на встречу с генералом вместо тебя пойду я.

Ой, что сейчас будет! Аврелия зажмурилась и перестала дышать. Кому молиться? В какую стену биться головой? Пожалуйста, Домна, пожалуйста.

– Ты сейчас пошутила? – строго спросила подруга. – Соображаешь, какая там секретность? Я не хочу в клетку, я не преступница!

– Да никто не узнает, – заныла младшая. – На анализах нет фотографии, работники Центра в глаза тебя не видели, вся идентификация по учетной записи. А генерал не полезет в генетическую карту, чтобы проверить, кто к нему пришёл. Я волосы причешу, как ты, платье твоё надену. Мы даже похожи чем-то. Ну, Домна, не ломай мне жизнь! Не лишай последней радости. Я умру ведь скоро.

Аврелия глотала слёзы и всхлипывала нарочито громко. Если нужно будет – пойдёт к подруге домой и там упадет в обморок, прося о последней милости. Ещё неделя без таблеток и даже притворяться не придётся. Прямо в экзопротезах и пойдёт.

– Дура, – прошипела Домна. – В документах на каждом блоке уникальный код из глифов. Появляется, когда подтверждаешь, что прочла и согласна. Всего двенадцать сочетаний. Их нужно выучить и сообщить охране Его Превосходства перед встречей. А потом палец при-

ложить к сканеру отпечатков. Ты не пройдёшь проверку. Забыла, что бывает за подделку документов?

Аврелия помнила, но желание оказаться рядом с генералом заглушало голос разума. Она плакала, умоляла, клялась и обещала всё, что могла придумать, пока подруга не закричала:

– Да перестань! Наилий шесть циклов генералом ходит, и у него до сих пор нилотов нет. Ты не первая, кто к нему рвётся. До тебя пытались дариссы куда красивее и умнее. Всем отказал! Мне подруга матери рассказывала, а ей важный человек из окружения генерала обмолвился. Без шансов там. Не нужны Наилию дети. Эти заявки, документы, тысяча анализов, коды, отпечатки, условия – фарс! Чтобы претендентки теряли терпение и сами отказывались. Запретить обращаться он не может, вот и выматывает нервы. А если находится особо упрямая и терпеливая дарисса, то ей, так уж и быть, личным отказом заворачивает заявку. Никто не может заставить генерала делать то, что он не хочет!

Домна выговорилась и тяжело задышала в микрофон гарнитуры. На экране планшета издевательски жизнерадостно летали цветные шарики. Аврелия посмотрела на свои дрожащие пальцы и тихо сказала:

– Спасибо, что убила мою мечту.

Глава 4. Родительская любовь

Аврелии стало хуже. Две недели без таблеток - и она слегла в постель, поднимаясь только ради того, чтобы дойти до туалета. Болезнь разрушала мышечную ткань, и без хорошего питания организму просто негде было взять силы на восстановление. Девочка худела, бледнела, а икры ног распухали всё больше и больше. Мышцы болели, напрягались. Согнуть колени Аврелия не всегда могла, поэтому часто ходила на цыпочках, вытягиваясь вверх. Говорила, что так ей легче.

Мать от переживаний превратилась в бледную тень. Весь день молчала или срывалась на Куне. На кухне теперь и днём и ночью пахло травами. Но, увы, отвары не наполняли желудок, а только выжимали из тела последние силы. Куна сама пристрастилась к зверобою, добавляя в отвар ещё и листья смородины. Только пила бодрящий напиток не утром, а на ночь перед сменой.

– Кажется, уснула, – пробормотала мать, устало опускаясь на кухонный табурет. – Болит у неё. Я припарками обложила, но толку от них мало.

Лекарства нужны, компенсирующие Аврелии отсутствие важного гормона. Из-за него терялся вес, и атрофировались мышцы. Цзы'дариец с генетической болезнью, как дрон без важной запчасти. Функционировать если будет, то недолго и с перебоями. Куна завалила письмами фонды поддержки пациентов, но отовсюду возвращались вежливые отказы или не менее вежливые сообщения о включении в очередь на бесплатное обеспечение лекарствами. У Аврелии не было времени на очередь. Если болезнь зайдёт слишком далеко, то изменения в мышцах станут необратимыми. Сначала экзопротезы, потом инвалидное кресло, паралич, смерть.

– Ты говорила, что на работе кто-то может дать в долг, – спросила Куна у матери, согревая ладони о стакан с горячим отваром.

– Грация обещала помочь, но у неё машина сломалась. Что-то с коробкой передач и ремонт очень дорогой.

Мать бездумно переставляла на столе баночки со специями, шоркая днищем по гладкой поверхности. Звук выводил из себя быстрее, чем нищета и отчаяние.

– Прекрати, раздражает! – попросила Куна, не заметив насколько резко и грубо это вышло.

– Не нравится, да? – взвилась мать. – Может быть, вообще уйдёшь и бросишь нас? А что? Работа нормальная, на рожу тоже не урод. Мужчину встретишь - и не вспомнишь, что мать есть, больная сестра. Давай, собирай вещи и проваливай! Без тебя обойдёмся!

Как же хотелось встать и уйти. Плюнуть на мать с сестрой и выскочить в домашнем платье из барака. Бежать через весь квартал на пустыри, пока ноги не откажут от усталости. Несуществующие боги, за что? Чем она провинилась в прошлой жизни, кого обидела? Мать кричала, выливая на голову Куны всю свою злость, в запале не выбирая слов. Упреки сыпались камнепадом, ехидство отдавало желчью, но истерика закончилась слезами. Мать закрыла лицо руками и стонала, что больше так не может. Сама хочет умереть. Рыдала в голос, проклиная дочерей, испортивших ей жизнь.

Куна склонилась над столом, чувствуя, как невыносимо тяжелый камень давит на плечи. Не осталось больше любви и поддержки. Её и не было никогда. С рождения Куна виновата во всём. Потерялись ножницы, рассыпалась крупа, не вовремя пошёл дождь. Чтобы ни сделала – мало или неправильно. Помыла пол, а в углах грязно, пошла в магазин и забыла купить молоко, готовила долго и невкусно. Куна просила прощения и обещала стараться. Клялась, что будет помогать матери, раз ей так тяжело одной. Мать замолкала, а через неделю начинала сначала. Как сейчас. И конца у этой пытки не было.

– Тише, мама, всё наладится.

– Ничего не наладится, – всхлипнула мать, стирая ладонями капли слёз. – Ты не понимаешь? Ничего!

Куна едва держалась. Если она сломается, тогда действительно всё кончится.

– Нет, есть ещё варианты. Можно съехать в жильё поменьше и получить компенсацию. Продать мебель, – упрямо бормотала она, понимая, что рушатся последние принципы. Бедность уродливым чудовищем пожирала дом, семью, уважение, гордость, стыд. - Бездна, да милостыню на улицах просить!

– Я звонила отцу Аврелии, – тихо сказала мать и Куна замерла. – Просила денег. Только на лекарства и хотя бы на неделю. Мартий согласился. Обещал прислать на счёт.

Надежда вспыхнула, но не разгорелась. Мать говорила с трагедией в голосе.

– Я пошла в кафе проверить. Там, правда, было. И больше, чем нужно. Как я обрадовалась, доченька. Сразу же написала в медцентр, и они выставили счёт. Оформила платёж, а потом сидела и ждала подтверждение. Долго ждала. Не выдержала и позвонила им. Деньги не поступили. Думала ошибка, проверила счёт, а там пусто.

– Конечно, ошибка, – встрепенулась Куна. – Так бывает иногда. Ты звонила в банк?

– Нет, я снова позвонила Мартию. Ответила его новая женщина. Кричала, что она вернула платёж и ей плевать на мои проблемы. Посоветовала найти другого дурака и доить из него деньги. А затем пригрозила написать заявление о вымогательстве и связь разорвала.

Мать заплакала, морщась от обиды. Какой мужчина мог отказаться помочь своему больному ребёнку? Мартий смог. Хотелось верить, что его женщина заставила, но запас оправданий Куна давно исчерпала.

– Мама, только Аврелии не говори.

– Не скажу, что ты. Пойду, посмотрю, как она. Ты поела? На работу не опоздаешь?

– Нет, день же ещё…

Мать взяла термос с настоем для припарок и ушла в комнату.

***

Домна отказалась помогать и мольбы Аврелии на неё не действовали. Подруги третий день общались в чате исключительно картинками с обиженными мордами животных, потому что на вопросы и просьбы Домна не реагировала. Проклятая трусиха. Такой план был чёткий и совершенно безопасный, а она заявку посылать не захотела. Всё, чего добилась Аврелия – распечатка с уникальными кодами. На это подруга кое-как согласилась и теперь младшая заучивала сложные комбинации, не теряя надежды дожать Домну.

Что угодно можно сделать, если захотеть. Защита от копирования и распечатки? Ну и ладно. Есть фотоаппарат, и он без проблем делает снимок с экрана планшета, пусть там хоть десять заковыристых защит стоит. А потом снимки легко распечатываются в ближайшем кафе на терминале доступа в Сеть. Подруга принесла кипу листов и с порога швырнула их в лицо Аврелии. С тех пор они не разговаривали.

Болезненная слабость одолевала от кончиков пальцев и распухших икр до бёдер. Ещё две недели - и перестанут слушаться руки, а потом придёт удушье. Любовь генерала – последняя надежда. Лишь бы мать с Куной купили таблеток ко дню встречи и Аврелия пошла в отель без экзопротезов. Не жалости хотела от Наилия, а других чувств. Может, не с первого дня, а с десятого, двадцатого, но он разглядит в слабом теле красоту души и невинность. Что ещё ценить в женщинах, кроме чистоты? В нашем-то испорченном и насквозь прогнившем мире.

Подружки шептались, что мужчинам важно быть первыми, видеть девственную кровь. Не брать любовницу после кого-то, а самому научить близости. Под себя и свои вкусы. Только бы генерал оказался нежным любовником и не увлекался извращениями! Домна пыталась напу-

гать Аврелию и присылала видео со всякими гадостями. Несуществующие боги, брать мужское достоинство в рот? Фу, мерзость! Нужно сразу дать понять генералу, что она не такая, как другие дариссы. Пошлостей ей не нужно, даже если они доставляют удовольствие. Вроде бы на видео показывали что-то такое, от чего краснели щеки, и становилось жарко. Младшая так размечталась, что не услышала тихих шагов матери.

– Что читаешь, дочка?

Аврелия вздрогнула до ломоты в больных мышцах и попыталась спрятать бумаги за спину.

– Ничего, я просто… на курсах задали.

Проклятье, голос от волнения срывался! Если это обычное задание, то откуда нервы? Ох, мать сейчас что-нибудь заподозрит.

– Тебе же репетитор задания на планшет присылает, а здесь бумага, – нахмурилась она и протянула руку. – Ну-ка дай посмотреть.

– Там, правда, ничего, – пискнула Аврелия и дёрнулась назад. Бумага смялась с едва различимым шорохом, будоража и без того взвинченную родительницу. Секретов между матерью и дочерью никогда не было, и тут такое.

– Отдай, – потребовала мать, вцепившись в край листа. – Я только посмотрю.

Минуту они боролись молча. Бумага мялась, трещала и могла порваться в любое мгновение. А во второй раз Домна печатать заявку не станет.

– Родная, миленькая, пожалуйста, не надо, – захныкала Аврелия, корчась и постанывая от боли, но мать уже успела нафантазировать ужасов.

- Там медицинское заключение? Плохие анализы? Что?

Часть листов ей удалось вырвать, и она отошла к стене, жадно вчитываясь в текст. Младшая бросилась за ней. Попыталась встать, но рухнула на пол и громко завыла, а мать закричала ещё громче:

– Кто дал тебе эту дрянь? Отвечай!

Аврелия всхлипывала, жалея, что слёзы никак не польются из глаз. Всегда срабатывало. Мать бежала утешать и забывала о провинности. Разбитая ваза, прожжённый петардой ковёр, рассыпанная мука - не стоили страданий любимой дочери. Заявление на нилота тоже не стоило, тем более его Домна подавала, но мать смотрела как на врага.

– Немедленно отвечай! Не то клянусь, я возьму ремень!

Младшая икнула от удивления и ужаса. Её никогда не наказывали, все шишки доставались Куне. «Ты – старшая! Ты не доглядела, не уследила, забыла!» Кстати, она стояла в дверях и тоже смотрела на белые листы. Прибежала из кухни на крики. Ох, беда. Катастрофа!

– Говори! – рявкнула мать, и младшая сдалась. Крупные капли градом полились из глаз, язык сам зашевелился.

– Это не я, это Домна. Я не знала, что там.

– Несуществующие боги, да как так?! – простонала мать. - Куна, посмотри, что она учудила!

– Это не я!

– Замолчи! В моём доме не будет генеральских подстилок! Как ты додумалась до нилота! С твоей болезнью!

Мать орала так, что стены тряслись. Уже все соседи были в курсе скандала. Негодование матери просачивалось сквозь тонкие перегородки и волнами плыло по кварталу. У Аврелии звенело в ушах. Она зажала их ладонями, но всё равно слышала обрывки истеричных выкриков.

– Мы уже милостыню просить собрались на лекарства, а ты опозорить меня решила?! Это – твоя благодарность?

– Мама, тише, – попросила Куна, листая мятую стопку. – Здесь, правда, заявка Домны. Аврелия не врет.

Младшая смотрела сквозь слёзы, как сестра толкает к матери в руки заглавный лист заявки. Слышала, как шумно дышат обе женщины, и дрожит тонкий белый лист. Ждала, что сейчас мать всё поймёт и бросится обнимать, но она даже не обернулась.

– Дура твоя Домна. И ты дура.

Несколько злых слов, и громко хлопнувшая дверь. Аврелия застыла, глядя, как мать уходит на кухню, впервые повернувшись спиной. А в чём она провинилась? В том, что мечтала о лучшей жизни? Хотела вырваться из рабочего квартала и больше никогда не видеть убогих цзы'дарийцев в одежде, провонявшей гарью от заводских труб? Если Куну такая жизнь устраивала, то пусть. Она никогда бы не приглянулась ни одному офицеру. Фигура квадратная, как у мужчины, груди нет, нога широкая. Куна такая невзрачная, что с ней в постель только под Шуи можно лечь, но почему Аврелия должна страдать в одиночестве? Несправедливо!

– Отдай бумаги, – грозно сказала младшая.

– Даже не мечтай. Не слышала, что мать сказала?

Старшая собрала упавшие листы и тоже ушла. Дрянь! Как же Аврелия её ненавидела!

***

На улице Куна вдохнула полной грудью, но смог мгновенно раздражил горло до кашля. Жаль, что днём в зале ожидания речного вокзала жуткая толчея, не поспишь на скамейке, а в диспетчерскую не пустят. Спать ей нужно, а не скандалить!

Распечатанную заявку на нилота старшая скрутила в трубку и выбросила в урну. Дурацкая затея, и не хотелось гадать, кому из подружек она первой пришла в голову. Аврелия не могла всерьёз думать о беременности. Она понимала, что с генетической болезнью, передающейся по наследству, ей прямая дорога к стерилизации. Но подозревать сестру в желании просто лечь под генерала было неприятно. Нет, младшая не такая!

Равэнна дремала, укутываясь в серую пелену. Светило ушло по ту сторону Тарса и там играло бликами на гребешках волн. А здесь, в душном плену, Куна брела через парк. Нет, лучше повернуть на единственную торговую улицу в квартале, поближе к ярким огням витрин. Проверять почту уже стало маниакальной потребностью. Куна нашла свободный терминал и ввела идентификационные данные.

- Итак, что там в папке «Входящие»?

Ещё одна отписка от благотворительного фонда на полстраницы, а ведь именно туда она сочинила лучшее письмо. Душу вложила в каждый абзац, рассказывая, как сестра мечтает жить. Жаль, что сердца благотворителей послание не тронуло.

Осталось, в самом деле, просить милостыню у дверей речного вокзала или родить генералу ребёнка. Куна фыркнула, вспоминая анкету с вопросами о вредных привычках, рабочем графике, хронических болезнях. «Были ли у вас половые партнёры? Сколько?» И маленькое поле на последней странице: «Что бы вы хотели сказать Его Превосходству?»

Глифов в цзы'дарийском алфавите не хватит, чтобы выразить все претензии, но Наилий Орхитус Лар их не увидит. Слишком занят. Нельзя отвлекать хозяина сектора от важнейших дел. Либрарий из приёмной генерала как только не посылал Куну в бездну. Чаще всего просил изложить просьбу в письменном виде и отправить на почту. Да, конечно, там уже пять писем от неё лежало – и тишина. Куна со злости проговаривала имя лейтенанта, добавляя к нему ругательства. Флавий-пинарий, Флавий-обломарий. Невыносимый попался лейтенант. Совершенно непрошибаемый. «Срок рассмотрения обращений граждан - один месяц». Слишком долго для очередной отписки в ответ, Аврелия не дождётся лекарств. Интересно, а заявки на нилотов попадают в категорию обращений? Или всё-таки рассматриваются в особом порядке?

Чувствуя себя дурой, Куна открыла страницу Центра репродукции, промотала стандартную форму на нилота до конца и хмыкнула. «Срок обработки заявки - три дня». Конечно, делать детей Его Превосходству гораздо приятнее, чем выслушивать жалобы. Куне вдруг захотелось открыть анкету и в том самом окне написать Наилию всё, что она о нём думала. Глупость, однако, хулиганство и безумие, но терять давно нечего. Пока есть крохотный шанс достучаться до генерала, им стоит воспользоваться. Время до работы было, а в голове уже появились строчки будущего письма о болезни сестры, дорогих лекарствах, безразличии властей, упущениях в инструкциях и жадных фармацевтах. Куна вылила в примечании столько боли и ярости, что остальные поля заполняла, практически не видя текста. Кнопка «отправить» сама попалась под палец. Куна нажала на неё и выдохнула.

Глава 5. Его Превосходство

Хоть в какую-то реакцию генерала Куна не очень верила, а через два дня воспоминание об отправленной анкете перебила первая радостная новость за долгое время. На работе выдали аванс. Штраф закончился, теперь старшая снова зарабатывала деньги. Под конец смены, почти перед рассветом Куна сидела в диспетчерской и думала, получится ли оплатить ещё что-нибудь, кроме лекарств? Коммунальные службы отключением не грозили, пшена и трав до следующего недельного жалования хватало, а в одежде никто не нуждался. Куда потратить деньги?

Настроение напоминало светило, робко выглядывающее из-за туч. Ещё не праздник, но вздох облегчения и призрачная надежда справиться с проблемами. По тёмному экрану лениво ползли зелёные треугольники судов, и доработать оставалось совсем чуть-чуть.

– Куна, почему на адрес диспетчерской приходят личные сообщения для тебя? – строго спросила Регина.

– Н-не знаю, я рабочие контакты нигде не указывала.

От дурного предчувствия в животе похолодело. Неясная тревога нарастала мерным гулом летящего за лесополосой патрульного катера. Вертишь головой, пытаясь найти, но не видишь.

– Там защита стоит, – проворчала старшая смены. – Перешлю, сама открывай. И чтобы больше такого не было! Личные проблемы решай дома.

– Да, конечно. Извини, Регина.

Основательно засекретили послание. Адрес отправителя удалён, тема письма пустая и открыть можно только по отпечатку пальца. Неужели Куна доигралась, и кто-то из властей пожаловался на слишком назойливую родственницу пациентки? Кого она могла настолько сильно задеть просьбами? Какую инструкцию нарушила? Вдруг в письме очередной штраф или наказание? Ох, тогда точно с работы выгонят!

Куна дважды уронила портативный сканер отпечатков, пока подключала его к пульту. Вытерла влажную ладонь о юбку и коснулась окошка сканера большим пальцем. Возле письма нарисовалась зеленая галочка, текст открылся.

«Дарисса Куна, повторно направляем уведомление об одобрении вашей заявки и напоминаем, что встреча состоится сегодня в холле гостиницы «Тарс».

Глифы поплыли перед глазами. Какая встреча? Какая гостиница? Куна пролистала просьбу «выучить и сообщить охране коды допуска от каждого раздела заявки», машинально открыла вложение и только потом нашла подпись. «Центр репродукции».

Любопытные сменщицы косились через плечо на экран. Шепоток пронёсся по диспетчерской и разбился об недовольное фырканье Регины.

– Тихо! Работы мало? Сейчас найду.

Куна почувствовала, как жар заливает лицо и вспыхивает краснотой на щеках. Лишь бы никто в диспетчерской не понял, что произошло! Бюрократия у военных ещё хлеще, чем у гражданских. Плевать в генеральном штабе хотели на примечание к анкете. Приняли, обработали и одобрили. Куда теперь звонить, чтобы отказаться? Бездна, какой же дурой она себя выставила!

Если написать отказ прямо с рабочей почты, куда пришло письмо, то завтра о заявке на нилота узнает весь речной вокзал! Только перестали трепать её имя после инцидента с севшим на мель «Беркутом», а тут такое! Куна попробовала удалить ненавистное письмо, но защита встала непроницаемой стеной, не поддаваясь на все известные уловки.

От стыда хотелось забраться под пульт и не вылезать оттуда, пока назначенное время встречи не пройдёт. Глупо и так по-детски. Нашли ведь её на работе, и кто знает, не придут

ли в следующий раз прямо домой, чтобы волоком потащить к генералу. Весь пятый сектор в курсе, что ни одного нилота нет, так почему Его Превосходству приспичило зачать ребёнка именно сейчас?

– Регина, а ты не можешь удалить письмо? – шёпотом плпросила Куна.

– Нет, не могу, – отмахнулась старшая смены, а потом уставилась в экран. – Погоди, кнопка пересылки появилась. Давай, тебе сброшу?

– Давай. Спасибо.

До утренней пересменки Куна сидела, как на раскаленных иглах и вслушивалась в каждый шепоток. Казалось, что в диспетчерской обсуждают только её. Едва поставив подпись в журнале, она убежала, не оглядываясь. Слонялась по кварталу, заходила в тупики и не узнавала дома. Изрядных гадостей наговорила генералу в примечании, во всех бедах обвинила, а он встречу назначил.

Нет, не может быть, это ошибка, халатность. Любой нормальный цзы'дариец обходил бы Куну стороной и уж тем более не думал о близости. В голове не укладывались жалобы на несовершенство законов и зачатие ребёнка. Такую издёвку захочешь – не придумаешь. Нужно позвонить и разобраться с недоразумением.

Куна ворвалась в кафе и металась между занятыми терминалам, пока дарисса за крайним левым не собралась уходить. Старшая шумно дышала носом и кусала губы. В глаза лезли выбившиеся из прически пряди волос, а форменная юбка перекрутилась шлицей вперед.

Наконец, она дорвалась до экрана, нашла в заявке номер Центра репродукции и повесила на ухо гарнитуру. Номер анкеты чудом запомнила. Пятьдесят первый. Даже если учёт вели с начала цикла, то не так уж и много нашлось желающих родить генералу.

– Дарисса Куна, – ответили на том конце линии после приветствия и уточнения личных данных, – прекрасно, что вы позвонили. Встреча сегодня, а мы не могли вас найти. Его Превосходство ждёт, пожалуйста, не опаздывайте.

– Я хотела отменить…

– Перенести? – замешкался оператор, явно не ожидая такой просьбы. – Вам неудобно сегодня? Встреча всего одна, сожалею. Если вы отказываетесь, то заявку придётся подавать заново.

Старшая должна была ответить: «Да, я отказываюсь», за этим сюда пришла, но стояла и молчала. Если фраза: «Его Превосходство ждёт», не просто вежливый оборот, то был крохотный шанс, что примечание к анкете Наилий всё-таки видел. И потом назначил встречу. Аудиенцию по личным вопросам у генерала можно ждать циклами и потерять терпение, а Куну пригласили сегодня. Так ли уж важен повод прийти, если тебя готовы слушать?

– Нет, я согласна, я приду, – стесняясь, ответила она, – не нужно отменять.

– В отеле «Тарс» ровно в девять, – вежливо напомнил оператор.

Всё, что Куна хотела сказать генералу, сразу вылетело из головы. Остались обрывки фраз из писем в фонды и неприятное послевкусие от вылитой на полководца обиды. Могла ведь подобрать иные слова, чтобы не краснеть потом от стыда. Но чувствовала, что тон письма тоже сыграл роль.

В девять, значит? Ночная смена начиналась в девять и Куна на неё опаздывала, а это ещё один штраф. Нужно звонить Регине и просить заменить её другим диспетчером. Но что сказать? Старшая смены шла навстречу, но взамен требовала правды, какой бы она ни была. Не придумывать болезней родственников или пожара в доме, если любимый мужчина приезжает в увольнительную и хочет увидеться. Несколько раз такая ложь вскрывалась, и Регина обижалась. «Не держите меня за дуру, – просила она. – И злобной стервой, не способной понять простых женских проблем, тоже не считайте».

Врать не стоит, а правда будет звучать как-то так:

«Регина, я добилась встречи с генералом, – написала Куна в чат. – Хочу попросить лекарства для сестры. Мне назначили сегодня на девять. Я понимаю, что уже поздно менять график, но для нас это очень важно. Пожалуйста, отпусти, я всё отработаю».

Выдохнула и сжала кулаки. Только бы Регина не легла спать! Если прочтёт сообщение вечером к началу смены, просьба подмениться станет бессмысленной. Не звонить же ей домой. Вдруг, и правда, спит. Ответ пришёл, громко пиликнув на всё кафе:

«Иди. Разберёмся потом с отработкой».

Куна чуть не обнялась с терминалом от радости. Отстучала на экранной клавиатуре «спасибо» и открыла разделы анкеты с кодами доступа. На третьем поняла, что пока будет учить, очередь на терминал её растерзает. Распечатать не давала защита, поэтому пришлось достать ручку и выписывать комбинации глифов на запястье. Оставалась ещё одна проблема. Как успокоиться и выспаться?

***

Гостиница возвышалась над постройками речного вокзала, как молодой кипарис над трухлявым пнём. Стены словно раздувались от гордости, блестя в лучах закатного светила стеклянным панцирем. Рыжие всполохи бликов пробегали по стальным стыкам фасада, а острый конец шпиля горел пламенем. Здание называли величественным, но Куна фыркала и считала «Тарс» слишком пафосным даже для престижного района Равэнны.

Из-за страха опоздать добиралась она сюда на автобусе. Форму диспетчера освежила и погладила, волосы собрала в хвост. Неловко было ехать в таком виде к генералу, но даже если бы нашлось красивое или хотя бы новое платье, пришлось бы объяснять матери, почему старшая дочь так странно оделась на работу. Признаться сил не хватило. Аврелия бы помчалась в «Тарс» на экзопротезах, чтобы отдаться генералу вместо сестры, а мать потом неделю дулась и ворчала, как низко пали её дочери. Вот Куна достанет лекарства и сразу расскажет об аудиенции. А о заявке на нилота можно и промолчать. Так всем будет лучше.

Высокий забор гостиницы отделял рабочий квартал от набережной с домами офицеров и ценных гражданских специалистов. Многоэтажные свечки соперничали в помпезности с «Тарсом». Пропускали к ним только жителей и обслуживающий персонал. У ворот дежурил чёрный военный внедорожник и два цзы'дарийца молча смотрели на Куну. Один совершенно лысый с длинным крючковатым носом примерз к ней взглядом, доставая до самых глубин. Лютая охрана. Вот только чья? Неужели генерала? Лейтенант и целый капитан - слишком почетно для поста на въезде в жилой сектор.

– Дарисса, – негромко позвал лысый, стоило Куне подойти ближе, – вы заблудились? Речной вокзал остался за вашей спиной.

Диспетчер одернула форменный пиджак и убрала за ухо прядь волос. Голос дрожал. Хотелось плюнуть на всё и сбежать.

– У меня встреча с Его Превосходством в гостинице.

На мгновение показалось, что лысый капитан усмехнулся. В чёрных глазах мелькнула заинтересованность и тут же угасла.

– Коды допуска назовите.

– Три, пять, восемь…

На первом же Куна споткнулась, осознав, что кроме трех цифр больше ничего не помнит. Дура, нужно было учить, а не причёской заниматься! Она вздохнула и попыталась вспомнить. Несуществующие боги, да что же там было? Тау или эпсилон? Взгляды охранников раздражали и мешали думать. Куна снова поправила волосы и промолчала. Сдалась. Самое время прощаться кивком головы и уходить, но капитан шагнул к ней.

– Вашу руку, дарисса. Нет, не эту, левую.

Пока она хлопала ресницами, лысый аккуратно взял двумя пальцами её запястье и оттянул рукав. На коже остались записанные ручкой коды допуска. Катастрофа. Теперь не дадут уйти. А что сделают? Накажут, как на курсах, за невыученный урок? Бред. Куна отчаянно краснела и забывала дышать.

– Последняя цифра один или два? – невозмутимо спросил капитан.

– Од-дин.

– Верно, – кивнул он и отпустил руку. – Вы рано пришли. Его Превосходство ещё в дороге. Придется подождать в холе гостиницы. Я провожу.

Ноги перестали слушаться. Куна шла за капитаном, как деревянная кукла на шарнирах. Каждый шаг получался медленным и неуклюжим.

Вдоль дорожек, отсыпанных мелким гравием, росли выстриженные конусами кусты. Распускались цветы, тихо журчали крошечные фонтаны поливной системы. Посреди осени двор гостиницы утопал в зелени. Возле бассейна стояли шезлонги, а вода переливалась прохладной бирюзой. На освещение не скупились. Между деревьями летали огромные шары, заполненные газом и светящиеся изнутри. Точечные светильники очерчивали дорожки и край бассейна, а под водой горели мощные прожекторы. Холодная ночь и копоть заводских труб остались снаружи, а внутри мир богачей действительно оказался другим.

Капитан привёл Куну в холл и усадил на широкий диван рядом с южным цветком в горшке. Фикусом, если верить рисункам из учебников. Симпатичная дарисса за стойкой регистратора, услышав от офицера, что Его Превосходство скоро будет, расплылась в приторно-сладкой улыбке.

Бездна, серёжки в её ушах с крупными камнями стоили дороже, чем барак, где жила семья Куны. И чем дольше цзы'дарийка с рабочего квартала рассматривала роскошный интерьер, тем чаще спрашивала себя: «Что я здесь делаю?» Куда она полезла? Сидела бы себе спокойно в диспетчерской и вела баржи с песком через перекаты. Нет, её демоны дёрнули заполнить заявку!

Куна убрала за горшок с фикусом растоптанные туфли, оттёрла слюной с запястья коды, сутулилась, втянув голову в плечи, и молилась всем несуществующим богам, чтобы пытка, наконец, закончилась.

О том, что генерал приехал, стало понятно по ослепительной улыбке дариссы за стойкой. Куна обернулась на перезвон колокольчиков над дверью и замерла. Фантазия подхлёстывала ожидания, рисуя образ кого-то удивительного. Правитель сектора, живая легенда, сильнейший боец! А в холл гостиницы «Тарс» вошёл совсем молодой военный в чёрной повседневной форме. Худой, веснушчатый, строгий до безразличия. Охранники, маячившие за спиной, смотрелись солиднее, чем Его Превосходство. Хотя бы разворотом плеч. Это шутка? Не мог Наилий Орхитус Лар быть таким!

– Ваше Превосходство, – захлебываясь от счастья, пропела сотрудница «Тарса», а он молча кивнул и пошёл к дивану. Прямо к обескураженной Куне.

– Дарисса, мне сообщили, что номер готов, можем подниматься.

Вживую его голос звучал совсем по-другому. Не как в телевизионной панели. Мягче и мелодичнее. Старшая вглядывалась в знакомое до каждой чёрточки лицо и не могла поверить. Шрам под бровью, упрямо сжатые губы и вечно хмурая складка на переносице. Наилий сошёл с плаката и стоял перед ней.

– Да, да, – только и могла сказать она.

Глава 6. Обязательства

Лифт поднял Куну на пятый этаж. Узкий коридор был облеплен дверями, как ветка дерева весенними почками. По полу стелилась ковровая дорожка, а на блёклых стенах яркими пятнами висели фотографии Тарса. С севера, где река пряталась под белыми шапками снега; с запада, где разливалась по равнине; и юга, где впадала в тёплый океан.

Куна шла по коридору и робела от мысли, что будет разговаривать с генералом. Не так она представляла встречу. Его Превосходству хорошо шёл огромный зал с рядами кресел, или осенний бал в генеральном штабе. Чтобы Наилий в парадном кителе стоял на балконе с бокалом Шуи, а за его спиной кружились в вальсе пары. А здесь, в безликом коридоре гостиницы, генерал казался слишком обычным, а потому ненастоящим. На трибуну его, что ли, поставить, вдруг станет легче? Вот как ему рассказывать об Аврелии? Сухо и официально нельзя, а если нырнуть в эмоции, то можно упустить суть.

– Прошу, дарисса.

Куна вздрогнула, заметив, что открылась дверь одного из номеров, а Наилий остановился, приглашая её войти. Несуществующие боги, почему не в кабинет? Кровать стояла посреди комнаты, напрочь сбивая с делового настроя. Огромный «полигон любви», аккуратно застеленный белоснежным постельным бельём. «Проблемы фармакологии в секторе? Несовершенство инструкций?» Реальность больно хлестнула наотмашь. Никто не разговаривает, лёжа в постели, не за этим генерал привёл сюда Куну.

– Выключите климат-систему, если вам холодно, – сказал Наилий и прошёл мимо кровати к стоящему в углу креслу. – Я вижу, вы дрожите.

Куна сцепила руки за спиной в замок. Хотела выпрямить плечи, но не получалось. Мать всегда говорила, что инициатива близости исходит от мужчины, но невозможна без согласия женщины. Только выражалась проще и короче. «Сучка не захочет – у кобеля не вскочит». Интересно, если простоять весь вечер, не двинувшись с места, Наилий рассердится и уйдёт? Не станет же силой брать. Или станет?

Она смотрела на генерала и не верила, что он способен на подобное. С детства слышала, что цзы'дарийские офицеры придерживались правила «трёх не». Не мародерствовать, не убивать гражданских и не насиловать женщин. Касался ли кодекс чести заявки на зачатие нилота? Ведь она сама захотела...

– Тиран, значит, – медленно заговорил полководец, поставив подбородок на кулак. – Глухой к проблемам народа бездушный чурбан, любующийся звёздами на своих погонах.

Процитировал примечание к заявке слово в слово. Куна смутилась и опустила голову, не понимая, что происходит, а Наилий продолжил:

– Значит, я не исполняю обязательства перед сектором, да? Раздевайтесь, дарисса.

Она прикусила язык, клацнув зубами, и беспомощно уставилась на генерала. Ей послышалось? Поза Наилия только казалась расслабленной. Хмурая складка на переносице выглядела жёстче, чем обычно. От генерала веяло злостью и раздражением, как он ни пытался сдерживаться. Ещё мгновение - и зарычит от ярости. Куна шагнула назад и прошептала:

– Что, простите?

– Вы тоже взяли на себя обязательство зачать от меня ребёнка, – по слову выцеживал генерал, наклонившись вперёд и не сводя с Куны колючего взгляда. – Заполнили анкету, выучили коды допуска, пришли на встречу. Раздевайтесь.

Не шутил, не играл и не собирался отступать. Она, наивная, считала, что затронула письмом что-то светлое в душе генерала, а речь шла об обиде. Он прочёл две строчки оскорблений и больше ничего. Взъярился так, что решил наказать. Бездна, во что она вляпалась? Знала

же, что не бывает чудес, а хозяин сектора – не добрый волшебник, взмахом руки решающий любую проблему. Обычный мужчина. Злой, самовлюблённый и мстительный. Куна ошиблась, и будет за это наказана.

Морщась от противного ощущения холода в животе, она расстёгивала негнущимися пальцами пуговицы на форменном пиджаке. Одну, вторую, третью. На четвёртой взгляд генерала изменился. Ярость ушла. Показалось, что Наилий вздохнул. Слишком медленно? Хорошо, она разденется быстрее. Пиджак полетел на пол. На Куне осталась короткая безрукавка, а под ней бюстгальтер. Не очень новый и уже жёлтый от бесконечных стирок. Стало стыдно показывать его генералу, лучше снять юбку вместе с трусами.

Куна представила, что разденется догола, а Наилий так и будет смотреть на неё, сидя в кресле. Что прикажет сделать? Лечь в кровать или встать перед ним на колени? Не стоит ждать ласки и нежности от того, кто мстит женщине. Придётся терпеть боль и затыкать себе рот, чтобы не кричать. Вдруг кто-то из персонала захочет узнать, что случилось и постучит в дверь? Бред. Никто не войдёт в номер генерала, даже если она сорвёт голос, умоляя о помощи.

Молния на юбке зажевала край ткани и застряла. Чем сильнее Куна её дергала, тем глубже врезался бегунок. Можно попробовать снять её через голову, но юбка слишком узкая. Куна обессиленно опустила руки и прикусила губу, чтобы не разрыдаться. Унижение ещё не началось, а ей уже хочется потерять сознание и ничего не помнить. Обязательства, заявка, нилот, монстр-генерал в кресле - почему это происходит с ней? Зачем?

– Подавитесь своими обязательствами, Ваше Превосходство – закричала она. – Хотите извинений? Я извинюсь. Зачем нужен этот фарс?

– Вы его начали, – тихо ответил Наилий. – Схватились за заявку, когда можно было написать письмо и оставить в приёмной. Она для того и придумана. Дальше. Распределением лекарств среди гражданского населения занимаются городские власти. У военных нет полномочий вмешиваться в процесс, но ситуация с вашей сестрой мне не нравится. Я озадачил своих специалистов запросами, они работают. Дайте два дня - и решение найдётся. А теперь, если вы передумали раздеваться, то я вас не держу.

Куна дважды открывала и закрывала рот, не зная, что сказать. Потом схватила пиджак и выскочила из номера.

Напряжение вышло слезами, застилая чистый до стерильности коридор и фотографии Тарса на стенах. Она бежала, не видя дороги, мимо ярких светильников гостиницы, мимо тихого двора до ворот и под взглядами охранников нырнула в темноту. Рабочий квартал принял без возражений и наполнил лёгкие дымом до надсадного кашля. Она остановилась у шлакоблочного барака, едва чувствуя ноги, уставшие от быстрого бега. Долго пыталась затолкать дрожащие пальцы в рукава пиджака и кашляла, кашляла.

Сильнее ненавидеть Наилия уже невозможно. Куда там его врагам и вечным противникам? Шесть циклов, что он стоял у трибуны в генеральских погонах и лгал, как приведёт сектор к процветанию, горели на искусанных губах Куны. Мало она ему написала в примечании. Не знала тогда, какой он урод, на самом деле. Монстр. Чудовище.

Ударив кулаком в шершавую стену барака, она побрела дальше. В диспетчерской никто не ждал, мать и сестра легли спать, а ночь только началась. Далеко за домами рабочего квартала вздрагивал барашками волн сонный Тарс, отдавая Равэнне собранное за день тепло. Скоро на небе разойдутся тёмные тучи, и спутник прочертит серебристую дорожку на глади воды. Можно всю ночь ходить по набережной и смотреть на реку. Там красиво, но очень холодно, а болеть нельзя. На больничном не платят жалования и покупать лекарства придётся уже себе, а денег по-прежнему нет. Уж лучше объяснить матери, почему старшая дочь вернулась с работы так рано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.